

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ

Такое название статьи может шокировать читателя. Но, по мнению автора, с российским профессиональным образованием сложилась действительно весьма опасная ситуация, угрожающая национальной безопасности страны. А причина этого заключается в том, что государственный аппарат России пытается скопировать для нашей страны западные модели. В том числе, и в сфере образования. Но это весьма опасная тенденция.

Современные процессы глобализации порождают деформации и нестабильность в экономике самих западных стран. Так, в США практически ликвидирована легкая промышленность, в упадке находится автомобильная и ряд других отраслей промышленности. То есть материальное производство сворачивается. Большая же часть занятого населения – около 85 % занята либо информационными технологиями, либо финансовым бизнесом т.е., по сути дела, «качает воздух». Фактически же экономика США на сегодняшний день держится только на печатании долларов и продаже их по всему миру. И чтобы как-то удержать эту ситуацию, США вынуждены ежедневно «поглощать» 2,5 млрд. долларов иностранных инвестиций. Но это же долго продолжаться не может!

Примерно в том же положении может быть, несколько лучше, находится экономика стран Западной Европы. Уважаемый читатель может спросить – а причем же здесь профессиональное образование?! В чем его вина в создавшейся нестабильности экономики Запада? Да самая непосредственная. В последние десятилетия молодежь этих стран устремилась к высшему образованию и, в основном, не по индустриальным профессиям – а как бы “престижным” специальностям: юристов, экономистов, финансистов, врачей и т.п. “Непрестижные” же рабочие места занимают: в США – афроамериканцами, латиноамериканцами, китайцами, а также иммигрантами различных национальностей, в том числе выходцами из России; в Западной Европе – турками, неграми, арабами, индонезийцами, и т.д., которые во все большем количестве прибывают в эти страны и создают все больше социальных проблем.

Обратимся теперь к России. Мы в точности повторяем этот же путь. Приведем такие цифры: в 2000 году число выпускников 11-го класса составило 1,35 млн. человек, а в ВУЗы поступили 1,2 млн., причем в подавляющем большинстве по “престижным” специальностям: экономистов, юристов, психологов, менеджеров и т.п. В то же время рабочие места на

заводах и стройках пустуют. Так, например, только в Санкт-Петербурге 80 тысяч вакансий рабочих мест, а в то же время масса безработных с высшим образованием. Причем, известна общемировая закономерность – лица с высшим образованием, по крайней мере с высшим гуманитарным образованием, на рабочие должности работать не идут. Непрестижные рабочие места все больше у нас занимают китайцы, вьетнамцы, украинцы, молдаване, азербайджанцы, грузины и т.д. – на заводах, на стройках, на рынках.

В то же время необходимо отметить, что общеобразовательная школа с 1 по 11 класс теряет “по дороге” до 4,7 млн человек. Из них примерно 700 тыс. чел. поступает в учреждения начального профессионального образования, 800 тыс. чел. – среднего профессионального. Но более 3 млн человек уходят из школы “в никуда”, становясь люмпенами, маргиналами, пополняя ряды преступников, наркоманов и т.п. Отказ от школьного всеобуча – заслуга наших “демократов” – это не только огромная социальная опасность, но и экономическая “яма”, особенно в условиях напряженной демографической ситуации. Так, например, одна из причин развала промышленности США – это такие же квалификационные ножницы: «белые воротнички» в производство не идут, а люмпены, которых там еще больше чем у нас, не способны к квалифицированному труду.

То есть мы «успешно» повторяем путь западных стран, порождая в перспективе нестабильность своей экономики, которая к тому же еще и не успела возродиться. А еще у нас «демографическая яма». Очевидно, для России этот путь вряд ли перспективен.

Национальная безопасность России может быть обеспечена лишь при гармоническом развитии экономики, в соответствии с другой теорией, прогнозируемой прежде всего ООН – теорией «устойчивого развития», которая преследует иные цели. Здесь речь идет о развитии и возвышении в каждом человеке духовного и интеллектуального начала при удовлетворении разумных материальных потребностей всех людей планеты.

Исходя из этого тезиса России необходимо органично развивать:

- компьютерные и телекоммуникационные технологии. В том числе для этого есть существенные предпосылки – ведь россияне по праву считаются лучшими в мире программистами;
- индустрию – помимо добывающих отраслей, в первую очередь, машиностроение и электронику;
- сельское хозяйство. Ведь Россия способна накормить весь мир здоровой пищей, чего Западу в принципе недоступно.

Рассмотрим теперь, как система профессионального образования может опережающим образом способствовать органичному, устойчивому развитию экономики?

Проблема перераспределения потоков молодежи по ступеням профессионального образования.

Во-первых, необходимо перераспределить потоки молодежи по ступеням начального, среднего, высшего профессионального образования,

увеличив первые два и значительно сократив последнее (прием в государственные ВУЗы на бесплатные образовательные программы). Эту меру вроде бы Министерство образования РФ обещает осуществить в ближайшее время. Хотя верится с трудом – слишком зависим аппарат Министерства от ректорского корпуса. К примеру, если Минобробразование готово сместить акцент с ВУЗов на ПТУ и ССУЗы, то почему во главу угла поставлен вопрос о профильной школе?! Ведь профильная школа нужна только для одного – для лучшей подготовки ее выпускников для обучения в ВУЗе!

В то же время, очевидно, прием абитуриентов в ВУЗы должен осуществляться не совсем так прямолинейно, как себе представляют чиновники Министерства – лишь по результатам Единых государственных экзаменов. Казалось бы, такой механизм совершенно демократичен – все вроде бы поставлены в равные условия. Но к чему это приведет? Ведь уровень подготовки московского школьника конечно выше, чем школьника из какого-нибудь сибирского села – во многих сельских школах зачастую по несколько обязательных предметов вообще не преподаются из-за отсутствия учителей. И так будет продолжаться еще долгое время. Возможности школьника из состоятельной семьи подготовиться к сдаче ЕГЭ конечно выше, хотя бы за счет репетиторства, чем у его сверстника из бедной семьи. Так что такой «демократический», «равноправный» механизм приема в ВУЗы приведет, очевидно, к еще большему социальному расслоению населения.

То же самое касается и сравнения возможностей к поступлению в ВУЗ учащихся школ, ПТУ и техникумов. Введение механизма ЕГЭ практически отрезает выпускникам ПТУ и ССУЗов дальнейшее продолжение образования в ВУЗе. В том числе и возможность получения высшего образования в сокращенные сроки за счет широко распространившегося заключения прямых договоров учреждений начального и среднего профессионального образования с ВУЗами. Как же! Все должны быть в «равных условиях». При этом считается, что лучшими специалистами будут те, кто лучше знает школьную математику, химию и т.п. Как бы не так!

Такие утверждения могут делать люди, не знающие ни производства, ни экономики, ни самой системы образования. Еще в 80-е годы прошлого века проводились социологические исследования на заводах. Так вот, практически весь линейный руководящий состав предприятий от сменных инженеров и начальников участков до главных инженеров и директоров заводов поголовно состоял из бывших выпускников ПТУ и техникумов, которые впоследствии получали высшее образование по заочной или вечерней форме. Выпускники дневных ВУЗов в цехах, как правило, не задерживались, поскольку они не умели общаться с рабочим коллективом. Выпускники дневных ВУЗов работали, в основном в аппарате заводоуправления – в конструкторском бюро, в плановом отделе и т.п.

Те же самые социологические исследования, проведенные 20 лет назад, показывали, что выпускники ПТУ и ССУЗов, поступившие в высшие

учебные заведения, на первых двух курсах, пока шла общеобразовательная подготовка, явно были слабее своих сверстников из общеобразовательной школы. Но впоследствии, когда дело доходило до специальной подготовки, они были наголову выше последних, поскольку они попадали в свою среду, которую уже знали на практике. Так что вполне резонно задать вопрос о «равных условиях» поступления в ВУЗы – а для кого, и, главное, для чего они «равные»?

Говоря о перераспределении потоков молодежи по ступеням профессионального образования – начального, среднего, высшего, следует иметь в виду, что просто механически увеличив прием в учреждения начального и среднего профессионального образования и, сократив прием в ВУЗы, вряд ли мы чего-либо добьемся в положительном плане. Дело в том, что в России высшее образование традиционно было престижным. Сейчас появились негосударственные ВУЗы, прием в которые вряд ли директивным путем можно будет ограничить. Молодежь устремится туда. Направляется иной механизм.

На сегодняшний день 80 % выпускников учреждений начального профессионального образования и около 60 % выпускников среднего профессионального образования трудоустраиваются по полученной профессии, специальности. В отличие от выпускников ВУЗов – менее 40%. Причем, основная форма получения высшего образования – дневная, и, таким образом, основная формула получается следующей: «школа-ВУЗ-безработица».

Но возможен в перспективе другой подход: резко увеличить прием молодежи в учреждения начального и среднего профессионального образования, при этом создав для выпускников, работающих на производстве, льготные условия для продолжения образования в профильных ВУЗах по вечерней, заочной, открытой, дистантной и другим формам обучения без отрыва от производства. Тогда, получив и высшее образование, люди будут оставаться работать на производстве.

Известно, например, что до распада СССР более 20% инженеров (по образованию) работали на рабочих должностях. И от этого производство только выигрывало. Приведем другие примеры. Автор заведует кафедрой в педагогическом университете, ему регулярно приходится принимать выпускные квалификационные экзамены. Так вот, выпускники вечернего отделения педуниверситета, работавшие в процессе обучения в школе наголову выше по уровню подготовки – как предметной (по математике, физике и т.д.), так и педагогической, методической студентов дневного отделения – их знания осознаны, апробированы в практической деятельности. А верх подготовки, педагогическая элита – это выпускники вечернего отделения, когда-то окончившие педучилища или педколледжи, а затем, работая в школе, учились на вечернем отделении университета. То же можно сказать, исходя из опыта автора, о мастерах производственного обучения профессиональных училищ и лицеев. Лучшие из них – те, которые заканчивали индустриально-педагогические или какие-либо другие

техникумы по профилю своей специальности, а затем, без отрыва от производства учились и заканчивали ВУЗы.

Что же касается выпускников дневных ВУЗов, пришедших в ВУЗы непосредственно из школы, то в большинстве своем они инфантильны, социально, граждански незрелы и к своей профессии серьезно не относятся, могут легко ее бросить или поменять. Другое дело, что академическая подготовка у них лучше, и дневная форма является, пожалуй, наиболее оптимальной для подготовки научных кадров, конструкторов и т.д. – но не для практической производственной деятельности, имея в виду производство в широком смысле – и материальное производство, и духовное производство.

Далее, говоря о перераспределении потоков молодежи по ступеням профессионального образования, следует сказать о такой давно назревшей мере как узаконение высшего образования в колледжах на уровне бакалавриата – ведь во всем мире как бы два высших образования – университетское и колледжное. Молодежь охотно пойдет в колледжи за высшим образованием, а оттуда скорее пойдет работать на производство и останется там. Условия для этого во многих колледжах есть. Тем более, в последнее время в них работает все больше кандидатов и докторов наук и по уровню квалификации их преподавательский состав все ближе подходит к уровню профессорско-преподавательского состава ВУЗов.

Ведь сегодня дело доходит до абсурда. Так, в одном сибирском малом городе с населением 40 тыс. человек из стационарных профессиональных учебных заведений имеется всего один-единственный колледж. Он, понятно, высшего образования не дает, но зато в городе более 50 филиалов ВУЗов – московских, петербургских, екатеринбургских и т.д. и т.п. У этих филиалов нет ни лабораторной базы, ни хоть каких-то библиотек, ни сносных аудиторий. Преподают в них в большинстве местные производственные кадры, подчас весьма далекие и от профиля преподаваемых предметов, и от методики преподавания. Но это на сегодняшний день считается вполне «законным»: ВУзам можно халтурить направо и влево и вытягивать из населения и регионов деньги. А колледжу – стационарному учебному заведению с квалифицированными преподавателями и хорошей учебно-материальной базой учить по программам высшего образования нельзя – «незаконно». Так не разумнее ли поменять все местами?!

То же самое – программы среднего профессионального образования в профессиональных лицеях. Они получили довольно широкое распространение во всей России. И это была не прихоть директоров лицеев – в этом была настоящая необходимость. Особенно, опять же в малых городах и поселках, где из-за исторически сложившихся условий имеется, как правило, всего одно профессиональное учебное заведение – либо ПУ, лицей, либо техникум, колледж. Но населению нужен весь спектр профессиональных образовательных программ. И вдруг – запрет! Чиновники ссылаются на Закон РФ Об образовании – законом такого не предусмотрено. Но за 11 лет Закон давно можно было изменить! А этого не происходит – опять же дело в чиновниках – они в этом не заинтересованы. Они сидят по

своим «ведомственным квартиркам» начального, среднего и высшего профессионального образования – порознь – и настороженно оглядываются – как бы кто-нибудь не вторгся на их территорию». Вот и получается, что профессиональное образование не для людей, не для общества, не для государства, а для чиновников от образования.

Но от этих чиновных «запретов» по нашей традиционной российской бессмыслице директора профессиональных лицеев тоже нашли «выход»: они стали заключать прямые договора с соседними колледжами – молодежь учится в лицее, а числится студентами колледжа. Можно привести примеры и похлеще. Один директор профессионального лицея – добрый друг и коллега автора (не будем называть его имени, чтобы не выдавать секретов) рассказывает, что его профессиональный лицей – это целый образовательный комбинат: это и общеобразовательная школа с 1 по 11 классы, и профессиональное училище, и колледж, и ВУЗ – все в одном учебном заведении, «под одной крышей». Но школьники при этом числятся в соседней общеобразовательной школе, их учителя получают зарплату там же. Студенты программы среднего профессионального образования числятся в соседнем колледже, их преподаватели получают зарплату там же. Студенты ВУЗа числятся в соседнем университете, тоже и с преподавателями. Что может быть абсурднее с точки зрения здравого смысла?! Но для чиновников «все законно». Все-таки Россия – удивительная страна!

В последнее время сложилась довольно опасная, по мнению автора, тенденция «переманивания» профессиональных лицеев в колледжи: если вы хотите давать среднее профессиональное образование, то преобразуйте ваш профессиональный лицей в колледж – тогда все будет «законно». И целый ряд профессиональных лицеев на это пошел, преобразовавшись в колледжи. Но тогда происходит резкое сокращение программ начального профессионального образования – по «закону» их должно быть не более 25 % от контингента. А как же тогда быть с провозглашенным Концепцией модернизации российского образования опережающем, приоритетном развитии начального профессионального образования?! А, кроме того, студенты тогда теряют бесплатное питание – ведь все знают, из каких семей учащиеся в начальном профессиональном образовании.

Об университетских комплексах как якобы средстве интеграции различных образовательных ступеней автор уже писал выше – это благовидный предлог поглощения ВУЗами учреждений начального и среднего профессионального образования.

До сих пор мы говорили о проблемах перераспределения молодежи по ступеням профессионального образования и о выстраивании преемственности этих ступеней. И это было во-первых.

Проблема перераспределения потоков молодежи по профилям и специальностям.

Теперь, во-вторых, - о перераспределении потоков молодежи по профилям и специальностям профессионального образования. Чиновники от

образования в последние годы постоянно жалуются на «перепроизводство» специалистов по избыточным для народного хозяйства профессиям – юристов, экономистов и т.д. Но невольно возникает вопрос – если профессиональное образование осуществляется на деньги всего общества, на деньги налогоплательщиков, то зачем надо готовить на бесплатной основе специалистов по «ненужным» в данный момент, избыточным профессиям? Зачем надо давать студентам этих специальностей отсрочку от армии?

Совсем запретить такую подготовку нельзя, чтобы не нарушать права граждан. Если молодой человек хочет стать юристом – пусть учится. Но на платной основе. Или ввести для них систему образовательных кредитов, о которых разговоры идут уже многие годы, но дело не движется.

Другое дело, что чиновники министерств и ведомств постоянно жалуются, что в нынешних условиях невозможно определить – какие профессии понадобятся через несколько лет – период подготовки специалистов. Да, действительно, прогнозировать развитие экономики по старым советским меркам, что называется, «в лоб», по валу в нынешних условиях невозможно. И, соответственно, невозможно по этим методикам прогнозировать и профессионально-квалификационную структуру кадров народного хозяйства.

Действительно, российская экономика сегодня более чем наполовину теневая: предприятия любых размеров и форм собственности скрывают объемы своего производства – чтобы не платить налогов. Соответственно, и официальная статистика вовсе не отражает настоящее состояние дел. И упования многих ученых и практических работников профессионального образования на так называемое «социальное партнерство», на то, что предприятия, работодатели будут заблаговременно заказывать подготовку кадров для них, а союзы промышленников и предпринимателей, торговые палаты будут этому содействовать, пока что, наверное, преждевременны. Пока идет передел собственности, пока существует теневая экономика, это вряд ли возможно.

Но есть вполне определенные косвенные показатели, по которым вполне однозначно можно оценивать состояние экономики. А именно: что продается на рынках (в широком смысле, включая магазины, биржи, объявления в газетах и т.п.) от продуктов питания, автомобилей, экскаваторов, станков и до интеллектуальных отечественных продуктов на компьютерных рынках. А, зная ассортимент и объемы продукции на рынках, можно достаточно просто оценить – где, что и в каких объемах производится. Ведь, к примеру, даже в самые «провальные» для российской экономики годы потребление электроэнергии в стране постоянно росло. О развитии экономики можно судить и по таким косвенным показателям как количество покупаемых населением автомобилей, мобильных телефонов, мебели и т.п.

Рассмотрим такой пример. Сегодня в России не менее миллиона так называемых ремесленников–предпринимателей, т.е. людей, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью. А возможно, гораздо больше – достаточно почитать частные рекламные объявления в газетах. В любом

городе таких объявлений масса: ремонт квартир, строительство дачных домов, легковые и грузовые автоперевозки, ремонт бытовой техники и компьютеров, репетиторство, шитье одежды, массаж и т.д. и т.п., вплоть до магии, татуировки и стрижки собак. Специфика России такова, что многие люди, чтобы не платить налогов, занимаются индивидуальной трудовой деятельностью, т.е. ремесленничеством, образуя тем самым специфический теневой рынок труда. И не считаться с этим нельзя. Возможно, со временем этот теневой рынок в стране явным, официальным. Но сегодня система профессионального образования не может не учитывать этой огромной ниши на рынке труда, и, собственно, на рынке профессиональных образовательных услуг. Правда, складывается парадоксальная ситуация: автор как бы предлагает профессиональным образовательным учреждениям заняться подготовкой кадров для теневой экономики. Но не считаться с этим огромным рынком труда нельзя – с одной стороны. С другой стороны – ремесленная, индивидуальная трудовая деятельность осуществляется по традиционным (по названиям) профессиям, так что ничего «нелегального» в такой профессиональной подготовке не будет.

Далее, развитие ремесленного образования может сыграть существенную роль в решении еще одной социально-экономической проблемы, которая также вырастает из тенденций, пройденной или, точнее, проходимой странами Европы. Как уже говорилось, молодежь в массовом порядке устремилась к получению высшего образования. В то же время известно, что подавляющее большинство безработных составляют лица с высшим образованием: при наличии вакансий на заводах, в строительстве и т.п. «белые воротнички» к станку не идут. До последнего времени, пока в России развивалась торговля (а, как известно, возрождение экономики всегда начинается с торговли), выпускники ВУЗов работу себе еще могли найти. Даже сложилась формула трудоустройства в «фирмы»: наличие высшего образования (любого), свободное владение английским языком и владение компьютером. Но сейчас эта ниша на рынке труда уже заполнена. Уже сегодня сложилась массовая безработица «белых воротничков». Но есть некоторый выход: «белые воротнички», избегая заводов, стоек и т.п. охотно работают в сфере индивидуальной трудовой деятельности, в том числе ремесленничества – если владеют какой-либо рабочей профессией: владельцами ателье, минипекарен, фотографий, ресторанчиков и т.п.

В странах Европы службы занятости на специальных курсах обучают «белых воротничков» таким рабочим профессиям и, плюс к этому дают определенную предпринимательскую подготовку. В России возможен и этот путь – переподготовка «белых воротничков» на рабочие профессии, в том числе и в первую очередь, в учреждениях базового профессионального образования – профессиональных училищах, лицеях, техникумах, колледжах. Но в то же время возможен и, думается, более перспективен другой путь – получение рабочей профессии, в том числе, ремесленного профиля в ПУ, лицее, колледже с дальнейшим продолжением образования в ВУЗе. Или с одновременным обучением в ВУЗе. Последний путь можно попробовать.

Учреждения начального и среднего профессионального образования могут здесь проявить инициативу: пригласить студентов дневных ВУЗов на одновременное получение рабочих профессий в ПУ, лицее, техникуме, колледже. Причем, студентов ВУЗов вовсе не обязательно технического профиля: по многочисленным наблюдениям автора как раз сочетание «технической» рабочей профессии или профессии техника с высшим гуманитарным образованием дают наибольшую устойчивость личности на рынке труда, да и, пожалуй, вообще наибольшую устойчивость личности в жизни. Так что и в этом направлении развитие ремесленного образования имеет, очевидно, большие перспективы.

Примеры одновременного обучения студентов в ВУЗе и ПУ, колледже уже имеются, Например, в Бурятии, Якутии.

Кроме того, развитие ремесленного образования имеет еще один важный аспект, возможно, стратегический. Как уже говорилось выше, в последние годы в Россию в массовом порядке хлынула иностранная рабочая сила: китайцы, вьетнамцы, таджики, азербайджанцы и т.д. И, в основном, эти иностранные рабочие, так называемые «гастарбайтеры» занимаются индивидуальной трудовой деятельностью, т.е. являются ремесленниками-предпринимателями в сферах торговли, общественного питания, индивидуального строительства и т.п., занимая уже сегодня несколько миллионов рабочих мест. Но уже сегодня в этом отношении Россия повторяет путь, пройденный многими европейскими странами: ведь в большинстве своем «гастарбайтеры» являются представителями национальностей с очень высоким уровнем рождаемости. И, естественно, также как и в других странах Европы, дети гастарбайтеров, родившиеся на территории России станут ее гражданами, порождая в дальнейшем, как и в других странах Европы, массу политических, социальных, демографических и других проблем. И развитие ремесленного образования может, очевидно, в перспективе, если получит массовое распространение, заполнить эти рабочие места молодежью из коренного населения России, решив, тем самым, важные социальные и экономические проблемы.

В директивных органах в последнее время все чаще поднимается вопрос о передаче большей части учреждений базового профессионального образования, а также части ВУЗов в ведение регионов.

Мера, очевидно, давно назревшая. Но передавать—то надо не образовательные учреждения, а образовательные программы! Ведь в головах чиновников с прежним советским менталитетом упорно сидит представление, что основной единицей образовательного процесса является образовательное учреждение. Отсюда и проистекают «директивы» — этим учреждениям можно то-то, а того-то нельзя и т.д. А по здравой логике основной единицей образовательного процесса является образовательная программа. Так и записано в Законе РФ «Об образовании». А образовательные учреждения — лишь средства для реализации образовательных программ.

Тогда, в этой логике, следует передавать в регионы образовательные программы по профессиям и специальностям, которые не связаны напрямую с национальной безопасностью страны, но которые нужны для развития экономики регионов, оставляя профессиональные образовательные учреждения в федеральной собственности для предотвращения их возможного разграбления, «прихватизации».

При этом представляется целесообразной следующая примерная модель распределения профессиональных образовательных программ по уровням бюджетного финансирования:

1. Федеральный уровень. Это специальности, определяющие национальную безопасность страны: оборонный комплекс, добывающие отрасли, энергетика, транспорт и связь, а также сельское хозяйство. На сельском хозяйстве следует остановиться особо. На сегодняшний день сельскохозяйственные ВУЗы и техникумы сохранились. Но, в большинстве своем они готовят специалистов, которые в сельское хозяйство работать не идут. Эти учебные заведения чаще всего превратились в специфическое средство получения городской молодежью высшего и среднего профессионального образования, но никак не отвечают своему предназначению. Сохранились и сельские профессиональные училища, но в подавляющем большинстве они готовят кадры не для сельского хозяйства - механизаторов, растениеводов, доярок и т.п., а для сельской инфраструктуры – портных, поваров, парикмахеров, продавцов. За 12 лет подготовка рабочих непосредственно для сельского хозяйства в профессиональных училищах сократилась в 10 раз. Таким образом, российское сельское хозяйство оказалось практически без профессионального образования. Кто завтра будет сеять рожь, пшеницу и разводить коров? А ведь продовольственная безопасность – одна из основных составляющих национальной безопасности страны. Не говоря уже о том, что Россия с ее огромными земельными ресурсами в состоянии накормить весь мир экологически здоровыми продуктами. Поэтому важнейшая задача не только спасти сельскую школу, но и возродить сельскохозяйственное образование для села, создавать самые льготные условия для обучения сельской молодежи в сельскохозяйственных ПТУ, техникумах, ВУЗах, а также создавать самые льготные условия для возвращения ее в село после учебы.

Кроме того, естественно, на федеральном уровне должна остаться подготовка кадров для науки, культуры, а также подготовка по редким специальностям, по которым обучение в каждом регионе вряд ли возможно, например, по аэрофотосъемке и картографии.

Специальности федерального уровня могут поручаться различным профессиональным образовательным учреждениям на конкурсной основе, которые будут за эти образовательные программы получать средства из федерального бюджета.

2. Региональный уровень. Из региональных бюджетов должны финансироваться профессиональные образовательные программы по специальностям, необходимым для развития экономики регионов.

3. Муниципальный уровень. Из муниципальных бюджетов может финансироваться подготовка специалистов для сферы обслуживания – продавцов, парикмахеров и т.д., а также работников жилищно-коммунального хозяйства.

Таким образом, мы рассмотрели второй аспект – распределение потоков молодежи по профилям профессионального образования.

Проблема качества профессионального образования.

В-третьих, третий аспект – это проблема качества профессионального образования, которая встает все острее. С одной стороны, качество высшего образования. Исходя из названия, высшее образование – это такое образование, которое дается человеку на уровне высших достижений науки, техники, культуры. Возможно, когда-то оно таким и было, но с расширением его массовости планка, уровень подготовки понижался и продолжает стремительно понижаться, особенно в последнее время. Есть некоторые ВУЗы, которые дают молодежи подготовку действительно на уровне высших достижений – Московский физико-технический институт, некоторые факультеты МГУ, СПбГУ, МВТУ, возможно еще несколько ВУЗов страны. Но в большинстве своем вузовская подготовка от «высших достижений» весьма далека. Так что «высшее образование» сегодня приходится рассматривать скорее лишь как исторически сложившийся термин. Это касается фундаментальной подготовки.

С другой стороны, и это касается всех ступеней профессионального образования – начального, среднего, и высшего – всерьез стоит проблема обучения современным технологиям, в том числе высшим технологиям (напомним, что высшие технологии, это технологии, в которых интеллектуальный компонент составляет более половины стоимости продукта). Дело в том, что нынешний преподавательский состав и в ПТУ, лицеях, и в техникумах и в колледжах, и в университетах в большинстве своем сам не знает и не владеет современными технологиями – его этому нигде не учили и не учат. К примеру, в одном московском строительном лицее автору пришлось недавно столкнуться с таким явлением, что ни преподаватели, ни мастера производственного обучения не то что не владеют, а даже понятия не имеют о жидких обоях, о ламинате, о современных водных красках и т.д.! И это в Москве! Кого же они готовят?! И кто возьмет на работу их выпускников?!. А ведь этот пример типичен. О какой конкурентоспособности российской экономики на мировых рынках можно говорить, если выпускники наших образовательных профессиональных учреждений подчас понятия не имеют о современных технологиях? А конкурентоспособность экономики – важнейший показатель национальной безопасности. Поэтому профессиональным образовательным учреждениям необходимо срочно заняться переподготовкой преподавательских кадров – направлять их на стажировку на передовые предприятия (есть же такие в России), за рубеж, научить их читать современную техническую литературу, в том числе – на иностранных языках и т.д.

В последние годы государство все больше молодежи направляет на обучение за границу, в основном, для подготовки будущих руководителей. Но не менее, а может быть и более актуально для национальной безопасности России направлять на обучение на границу преподавателей профессиональных учебных заведений а, главное, мастеров производственного обучения – т.е. тех, кто будет обучать современным технологиям производства и тем самым распространять их в России. Вспомним Петра 1 – он сам в Голландии учился на плотника, а не на монарха. И обучал за границей других сначала стоять корабли, а лишь затем командовать ими.

С третьей стороны профессиональному образованию необходимо придать современную рыночную направленность, совершенно отличную от традиционной подготовки для бывшей плановой экономики. Поясним, что имеется в виду на таком показательном примере. Автору не так давно пришлось руководить секцией на конференции по туристскому образованию. На заседании секции столкнулись, буквально схлестнулись интересы трех ВУЗов одного региона, готовящих кадры для туристской отрасли: регионального филиала Российской международной академии туризма (негосударственное образовательное образование), выпускники которого все поголовно трудоустроены; и региональных государственных классического университета и педагогического университета, выпускники которых по этой специальности все поголовно безработные. Стали выяснять, в чем дело. Выяснилось, что выпускники государственных ВУЗов могут квалифицированно проводить экскурсии для туристов. А выпускники негосударственного учебного заведения могут не только проводить экскурсии, но и организовывать их: найти контингент туристов, найти (собрать) деньги, заказать транспорт, организовать питание и проживание туристов и т.д. Вот поэтому такие специалисты нарасхват, а чистые «экскурсоводы» безработные. Но ведь подобная, назовем ее условно рыночно-организационно-экономическая направленность профессионального образования в нынешних условиях необходима абсолютно всем специалистам – и слесарю, и скрипачу.

С четвертой стороны, качество профессионального образования упирается в еще одну проблему – объективного свойства. Дело в том, что предприятия хотят получать специалистов высокой квалификации (если говорить о рабочих – то не ниже пятого разряда), с опытом работы и в возрасте не менее 23-25 лет, в возрасте гражданской зрелости, в ответственном возрасте. Эти требования вполне понятны – для того, чтобы выпускать конкурентноспособную продукцию, нужна качественная рабочая сила. Но возраст выпускников профессиональных образовательных учреждений ниже, так же как и уровень их профессиональной квалификации. Образуется возрастной и квалификационный разрыв. Чтобы его сгладить некоторые учебные заведения создают при себе производственные структуры, где выпускники могут какое-то время поработать и набраться производственного опыта. Называются эти структуры по-разному: бизнес-

инкубаторы, тренажерные фирмы, производственные центры и т.п. Особый интерес представляют, так называемые, технопарки.

Название это появилось в Англии, где университеты и колледжи расположены, как правило, в парковых зонах и обладают значительными земельными участками. Когда произошло резкое сокращение бюджетных ассигнований на научные исследования в университетах – а это произошло во многих странах (мы не единственные) – те стали создавать при себе сеть небольших самостоятельных самокупаемых научно – производственных фирм, главной задачей которых стала разработка на базе фундаментальных исследований новых технологий и продажа их промышленности и другим отраслям экономики. Свои здания эти фирмы строили на территории университетских и колледжных парков – отсюда и название – научно-технологические парки. Они получили распространение во многих странах мира, начинают создаваться и у нас. Они позволяют, помимо усиления собственно научного потенциала учебных заведений, широко привлекать к научным исследованиям и производственной деятельности студентов и выпускников, а, кроме того, поскольку фирмы научно-технологического парка являются рыночными структурами, они к тому же служат еще и некоторым полигоном для предпринимательской практики студентов и выпускников.

Кроме того, для решения проблемы возрастной молодежной безработицы могут быть привлечены службы занятости населения, что в некоторых регионах успешно осуществляется. В перспективе, очевидно, может быть поставлен перед законодателями вопрос о льготах предприятиям, трудоустраивающим молодых специалистов.

Развитие профессиональной подготовки и переподготовки

Поскольку начальная профессиональная подготовка школьников старшего звена (как правило в межшкольных учебно-производственных комбинатах) раньше осуществлялась за счет так называемых «базовых предприятий», а подготовка кадров непосредственно на предприятиях осуществлялась целиком за счет отнесения учебных расходов на себестоимость продукции, то в настоящее время эти каналы профессионального обучения в прежних режимах организации, к сожалению, разрушены – предприятия в них пока не заинтересованы. Также разрушены оказавшиеся ненужными отраслевым министерствам и ведомствам отраслевые учебно-курсовые комбинаты, технические школы, институты технического обучения рабочих и другие учебно-производственные структуры, осуществляющие начальную профессиональную подготовку населения.

Хотя начальная профессиональная подготовка – это не полноценное профессиональное образование, но вовсе ее исключать нельзя. Более того, в новых социально-экономических условиях эту сферу следует развивать. Во-первых, для части школьников это хоть какая-то возможность получить квалификацию, а, например, профессиональное обучение в сельской школе всегда составляло существенную конкуренцию бывшим сельским

профтехучилищам и сельскохозяйственным техникумам. Поэтому заботы о профессиональном обучении в школе, естественно там, где для этого есть условия, должно было бы, очевидно, взять на себя государство.

Кроме того, в условиях рыночной экономики наличие какой-либо профессиональной квалификации у выпускника среднего учебного заведения становится весьма существенным критерием для молодежи. И если раньше по окончании 9 класса как правило лучшие учащиеся оставались в средней школе, а более слабые по успеваемости выпускники шли в ПТУ и техникумы, то теперь водораздел стремительно начинает меняться: выпускник учреждения начального и среднего профессионального образования имеет, в большинстве своем, и общее среднее образование, и профессиональную квалификацию, и, тем самым, он социально защищен на рынке труда, а выпускник средней школы этого не имеет. Поэтому можно ожидать возрождения школ с производственным обучением, но на качественно иной основе.

Во-вторых, производственное ученичество на предприятиях, в учебно-курсовых комбинатах и т.д. тоже должно стать заботой государства – в том числе, либо оплачиваться государством (ведь предприятия платят налоги, в состав которых входят средства на образование), либо возмещать предприятиям расходы на обучение персонала в виде налоговых льгот. Последний вариант может быть очень мощным механизмом стимулирования не только начальной профессиональной подготовки, но и вообще развития образования работающей молодежи и взрослого населения.

Ведь для построения этой системы непрерывного образования в России необходимо, в том числе, чтобы каждое предприятие, организация, учреждение, нанимающее людей на работу, выступало бы и в роли педагога. Именно здесь лежит связка интеграции образования и производства.

Учреждения последипломного образования. В перспективе эта сфера должна стать, очевидно, наиболее обширной областью в системе непрерывного образования: особенно в условиях демографического спада – приток молодежи в производство резко сократился, и этот дефицит необходимо будет компенсировать своевременной переподготовкой взрослого населения. На сегодняшний день как раз здесь сложилась наиболее парадоксальная ситуация.

В бюджетной сфере, в частности, в системе образования, здравоохранения учреждения последипломного образования – институты и факультеты повышения квалификации, институты усовершенствования учителей и т.п. – сохранились как государственные бюджетные учреждения. И это правильно, поскольку специалисты в таких социально ответственных отраслях как образование и здравоохранение должны постоянно повышать свою квалификацию, иначе развитие этих сфер вообще невозможно, а платить за обучение своего персонала бюджетные учреждения – школы, гимназии, профессиональные училища и т.д. – не могут.

В других, не бюджетных отраслях народного хозяйства, учреждения последипломного образования бюджетного финансирования разом

лишились. В принципе, очевидно, это правильно, т.к. промышленные предприятия, строительные организации и т.д., работающие на самоокупаемости, должны сами оплачивать обучение своих специалистов.

Но этим учреждениям необходим был определенный переходный период, необходимо было время для освоения нового стиля жизни и деятельности. В результате, хотя некоторые учреждения последиplomного образования выжили и успешно работают в новых условиях, значительную часть сети отраслевых институтов повышения квалификации, учебно-курсовых комбинатов, производственно-технических курсов и т.п. мы потеряли. Их предстоит возрождать, но уже на качественно иной основе – очевидно, в не бюджетной сфере должна быть создана независимая ни от отраслевых министерств, ни от конкретных предприятий сеть учреждений последиplomного образования.

Сегодня речь идет о том, кто займет этот огромный почти пустующий ряд последиplomного образования на рынке профессиональных образовательных услуг? Сюда же входит профессиональная подготовка безработного населения. Сюда же входит и неформальное образование и самообразование взрослых.

Здесь возможны два варианта, которые могут развиваться параллельно. Во-первых образовательные программы последиplomного образования могут реализовываться в учреждениях базового профессионального образования – профессиональных училищах, колледжах, университетах и т.д. за счет создания в них специализированных факультетов, отделений, курсов и т.п.

Второй вариант – это сохранение, создание новых и дальнейшее развитие специализированных учреждений последиplomного образования – как государственных, причем находящихся в структуре различных государственных ведомств – образовательных, служб занятости населения (так называемые учебные центры служб занятости – республиканские, областные, районные и т.д.), служб социальной защиты и т.д., так и негосударственных.

В любом случае учреждения последиplomного образования будут иметь, очевидно, интегративный характер, осуществляя большое многообразие образовательных программ хотя бы для того, чтобы обеспечить свою устойчивость в новых социально-экономических условиях, а также относительную стабильность своих кадров, создавая им возможность получения более или менее сносной заработной платы.

Но главная беда на сегодняшний день заключается в том, что для федеральных министерств и ведомств проблемы профессиональной подготовки и переподготовки кадров в условиях производства как бы не существует. Эти ведомства упорно не хотят ею заниматься. Автор неоднократно обращался и устно, и письменно, и к Министрам, и к другим руководящим работникам этих ведомств. Все вроде бы соглашаются, что этим надо заниматься, но по-прежнему ничего не делается. А ведь для эффективной работы экономики участникам производства необходимо учиться и переучиваться всю жизнь – принцип непрерывного образования,

иначе говоря, образования в течение всей жизни. Но если средняя продолжительность жизни в России на сегодняшний день составляет, грубо говоря 65 лет, а Минобрнауки, другие органы управления образованием занимаются только учебными заведениями для молодежи – от 3 до примерно 22 лет – возраста окончания ВУЗа, - то все остальные годы, а это около 70 % продолжительности жизни людей их образование остается по сути, «беспризорным»!

Но чтобы российская экономика была бы хоть как-то конкурентно способной на мировых рынках – а ведь это, пожалуй, на сегодня главное условие национальной безопасности страны – все работающее население необходимо постоянно учить и переучивать – ведь производственные технологии меняются, развиваются, обновляются стремительно.

Таким образом, подводя итог сказанному, национальная безопасность страны в значительной мере зависит от эффективности профессионального образования. Но наша система профессионального образования серьезно больна – к старым нерешенным проблемам наслаиваются все новые и новые. Эти проблемы хорошо понимают в большинстве своем руководители и работники профессиональных образовательных учреждений. Но, к сожалению, не понимают или не хотят понимать работники государственного аппарата, которые увлеклись «красивыми» модными новациями: двенадцатилеткой, профильной школой, ЕГЭ, университетскими комплексами и т.п. Ситуация сродни той, когда дом горит, а маляры продолжают красить стены.